

Гавриил Серов

ИЗ ТЕТРАДИ 1988 ГОДА

Прохожий

Мой друг! Не время быть счастливым,
Сдержи в душе звенящий клич.
Наешься редьки с черносливом,
Лежи на паперти и хнычь.

Под ливнем корчись в блеске молний,
Влиянья климата терпя.
И пусть прохожий богомольный
Благоговеет на тебя:

«Сей славен муж душою редкой.
Блажен, не ведая о сём.
А может, чернослива с редькой
С утра натрескался, осёл...

Меж непотребства, свинства, буйства,
Меж бизнесменов и ворюг –
Приемли всех, и всем любуйся,
Благословляя всё вокруг.

Любуйся ливнем, рек разливом,
Лучом, пробившимся на дно,
Любуйся редькой с черносливом:
Всё это свыше нам дано!»

Заладит то же да про то же
Смиранный старец у пенька,
Глубокомысленный прохожий...
Смелее дай ему пинка!

Пусть к новым городам и нивам
Дороги торит старый хрыч...
Наешься редьки с черносливом,
Лежи на паперти и хнычь.

В поезде

Сию картину видел поздно я
В метро на станции «Колхозная».

Людей немного было в поезде:
Один читал Белова повести,

Другой листал Монтеня «Опыты»,
А вот – «Кануны» кем-то добыты.

Подросток, словно бы в агонии,
Листал журналы прошлогодние.

Одна штудировала заново
Воспоминания Хазанова.

Спасти желая душу гиблую,
Пенсионер уткнулся в Библию.

Лишь я не взял с собою повести.
Пришлось внимать сюжетам совести.

Сонет

Грустя на жалком пепелище,
Сгибаясь в тягостном труде,
Кончая день вкушаньем пищи,
Я все мечтаю, и т.д.

Гуляя городом вечерним,
Ступая по глухой тропе,
Я легкомысленным влеченьем
Обуреваем, и т.п.

Гляжу на фрески Чинквеченто
И на общественный сортир,
Не внемля сладости момента.

Не видя ни красот, ни дыр,
Я словно озабочен чем-то,
Душа волнуется, и др.

Два Петрова

Брови сдвинувши сурово,
Торопясь под отчий кров,
Шел по улице Петрова
Ночью труженик Петров.

Брел в неглаженной рубаше,
Молча нес в бутылке слизь.
О Нагорном Карабахе
Мысли мутные неслись.

На устах со злобной речью,
Тоже двинув строго бровь,
Явно первому навстречу –
Резво шел другой Петров.

Брел, закутан в шубу лисью,
Но без признаков рубах.
И бутылку с гадкой слизью
Нес в трясущихся руках.

Не дарить усладу нервам,
Не для шуток и пиров –
Поравнялся вскоре с первым
Новоявленный Петров.

Глянул первый на второго.
Кто-то крикнул: «Ну-ка, брысь!» –
И помчались два Петрова,
Опрокидывая слизь!

Потрусили мелкой рысью,
Скрылись в сумрачных домах,
Лишь бутылки с гадкой слизью
Где-то кинули впотьмах.

Утро

Сегодня я проснулся рано.
Колонной шли грузовики.
Ревели МАЗы, хоть сбеги,
За стенкой радио орало,
Неслось гудение с реки.

Проснулся рано я сегодня.
Вскочил, как схвачен за грудки.
Неслись из радио гудки,
Орала в речке МАЗов сотня,
Тряслись от рева закутки.

Теперь я, кажется, проснулся:
Ревело радио про МАЗ,
Река гудела (ну и мразь!)
За стенкой баржа сбилась с курса,
Орала, теснотой томясь.

Ее в морях затерли льдины,
Был мир безумием чреват,
Бузили турок и хорват,
Гудело небо Палестины,
Бесился Ясир Арафат.

Спортсмены ликовали в Осло,
И тщила выкрикнуть толпа
Давленье ртутного столба...
Проснулся я сегодня поздно,
Сгоняя со щеки клопа.

Сегодня я проснулся поздно.
В мозгу кричали ямщики,
Ревел динамик, хоть сбеги,
А я сидел, ероша космы,
Клопа сгоняя со щеки.

Аппарат

Возле статуи шахтера,
На одной из главных *стрит* –
Безобразная контора
В черном городе стоит.

Магазин-салон «Орбита»,
Промстройбанк или собес?
На подножье из гранита
Восемь выбито словес.

Ходит слух: в названье, дескать,
Гнусный кроется намек.

Только надписи злодейской
Прочитать никто не мог.

Преграждают дверь конторы
От непрошенных стилиг
Неприступные вахтеры
В черных-черных кителях.

Не болтлив угрюмый стражник.
Но порой и адмирал
От словечек неких страшных
У порога обмирал.

От Карпат и до Урала
Правят тут незримый сев.
У конторского штурвала
Пребывает грозный шеф.

С ним ты встретишься едва ли:
Засекречен он и скрыт.
Только главное – в подвале
(На одной из главных *стрит*).

Средь завалов всякой дряни
Трубы черные парят.
Там, за тяжкими дверями –
Сверхсекретный аппарат.

Проскользнуть в сей тайный терем
Только избранный бы смог.
Если б не был ключ утерян,
Не испорчен был замок.

Впрочем, жуткая картина
Остается позади!
Ты прими валокордина
И по лестнице взойди.

Стол конторский кресла, ящик.
Ослепительно чисты
Исходящих и входящих
Безупречные листы.

На листах посланий страшных
Отчего-то – ни строки...

Пиджаки на секретаршах
Одинаково строги,

Все стучат на «Роботроне»,
Шутят кстати и влопад.
О гражданской обороне
Информирует плакат.

Всюду – штат во всех обличьях,
Всех свербит чиновный зуд.
Глазу тесно от табличек,
К счастью! – лозунги зовут.

Что ж, пойдем в иные дали,
На ликующий парад...
Но работает в подвале
Беспрерывно аппарат.